

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-167-180>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. О. А. Симонова

г. Москва, Россия

**ОБРАЗ АТАМАНШИ
В ПОВЕСТИ Б. А. ЛАВРЕНЕВА «ВЕТЕР» (1924):
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ И РАЗИНСКИЙ СЮЖЕТ**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье анализируется повесть Б. А. Лавренева «Ветер. Повесть о днях Василия Гулявина» (1924). В качестве аналитического метода используется гендерный подход. Хотя в советское время повесть неоднократно привлекала внимание исследователей, такой ракурс впервые применяется в данной статье. Образ героини повести Лельки конструируется взглядами на нее разных персонажей. Сама она считает себя предводительницей, демонстрирует чрезмерную жестокость, отрицает в себе женское, в целом маркирует его как слабое, второстепенное. Герои-мужчины навязывают ей нормативную фемининность: характеристиками Лельки выступают красота, сексуальность. В повести ставится вопрос, может ли «баба» быть товарищем. Главный герой Гулявин воспринимает Лельку амбивалентно, пытается признать за женщиной и за проституткой право называться человеком. Из-за проявленных Лелькой жестокости и предательства Гулявин отвечает на поставленный вопрос отрицательно.

Кроме того, в статье рассматривается имплицитно присутствующий в повести разинский сюжет, который также прочитывается сквозь видение разных персонажей. Если в своем субъективном восприятии Лелька — атаманша, то для Гулявина она персидская княжна, она подчинена ему как командиру и как мужчине. Близость с нею приводит героя к предательству по отношению к своему товарищу, что соотносится с поведением Разина. Подобна гибели княжны и казнь Лельки — «царицы персицкой».

Ключевые слова: Гражданская война, русская литература 1920-х гг., фемининность, гендер, легенда о Степане Разине.

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Симонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

E-mail: osimonova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.10.2021

Дата одобрения рецензентами: 28.10.2021

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Симонова О. А. Образ атаманши в повести Б. А. Лавренева «Ветер» (1924): гендерный аспект и разинский сюжет // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 167–180. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-167-180>

В советском литературоведении произведение Б. А. Лавренева «Ветер. Повесть о днях Василия Гулявина» (1924) изучалось неоднократно [2, с. 66–83; 4, с. 264–277; 10, с. 147–173; 14, с. 9–19 и др.]. Однако образ атаманши Лельки во всех исследованиях получал вполне однозначную трактовку. Советские ученые рассматривали роль атаманши в негативном ключе, отмечая прежде всего ее роль в жизни главного героя повести Василия Гулявина: «Отвратительная садистка, распутная баба-пьяница застрелила Строева, чуть было не сбила с верного пути Василия Гулявина» [10, с. 163]. Литературовед В.А. Ружина указывала на то, что героиня воплощала анархическую сторону революции: «Б. Лавренев всячески подчеркивает пагубную роль анархии в революции» [10, с. 163].

Нам кажется, что образ атаманши в повести заслуживает гораздо большего внимания. Пожалуй, стоит разделить позицию Соны Хойсингтон, редактора сборника «Ее собственный сюжет», предлагающей анализировать классические тексты русской литературы в новой перспективе — сосредоточившись на анализе образов женщин-протагонистов [15, с. 3]. Хотя атаманша не является главной героиней «Ветра», ее образ важен не только в пределах повести, но и в контексте изучения художественной рефлексии женского участия в Гражданской войне. В данной статье мы попробуем заострить гендерный аспект повести, проанализировав ее в субъект-объектных категориях; а также обратимся к имплицитно присутствующему в ней разинскому сюжету, популярному в произведениях о Гражданской войне [11, с. 98–99], и посмотрим, какую рамку развития событий в повести задает он.

В повести Лелька появляется в главах «Атаманша», «Гвозди» и «Ветры». Портрет героини не персонифицирован, глазами Гулявина показана красивая здоровая женщина: «...чудо. Пава не пава, жар-птица, а в общем — баба красоты писаной. Бровь соболиная, по лицу румянец вишневыми пятнами, губы помидорами алеют, тугие и сочные» [19, с. 29]. Чрезмерность в описании ее портретных черт, ассоциирующиеся с русскими сказками словесные формулы, — особенность сказового стиля писателя, но выказанная им ирония свидетельствует о том, как сказочные формулы переосмысляются. Так, «помидорные губы», увиденные Гулявиным, говорят об узости его кругозора, показывают его низкий культурный уровень. Не только портрет героини, но и сама ситуация первого взгляда на нее — появление атаманши как фантастического видения («Даже глаза протер Гулявин. Нет — стоит и смеется» [19, с. 29]), заторможенность героя («спросил наконец» [19, с. 29]) — формирует модус нарраторского отношения к Гулявину: насмешку и иронию. И именно с точки зрения такого неразвитого героя показаны многие события повести. Рецензент В. Правдухин увидел в этом положительный момент: «Хотя повесть написана и не от первого лица, но все события и даже словарный лексикон повести автор выдерживает в стиле своего героя. Это хорошая и благодарная манера: внимание не рассеивается, а постоянно фиксируется как бы одним движущимся рефлектором» [21, с. 293]. Другой рецензент считал, что такой ракурс создает проблему прежде всего для автора: «Но беда Лавренева в том, что он сам на положительную строительную работу посмотрел глазами Гулявина. Посмотрел и ушел от нее в сторону, чтобы больше (пока!?) к ней не возвращаться» [18, с. 249].

Как мы увидим дальше, героям-мужчинам принадлежит в повести преимущественное право высказывания и оценки. Первый взгляд на героиню, который задает Гулявину начальник разведки, это взгляд на нее как на сексуальный объект: «Сейчас приведу тебе атаманшу... Баба смачная, есть чего помять! Пальцы обсмоктáешь!» [19, с. 28].

При этом самоидентификация Лельки связана не с женской природой, которую в ней видят мужчины, а с ее деятельностью руководительницы. Гулявин допрашивает ее:

— Толком говори, чертова кукла! Нечего лясы точить!

— А толком сказать — атаманша. Гуляю, красного петуха пускаю, а со мной босота гуляет.

Отряд атаманши Лельки [19, с. 29].

Демоническая красота атаманши («чертова кукла») вынуждает Гулявина робеть. Напротив, Лелька, будучи пленницей, не робеет, в этом разговоре она морально сильнее его («...глазами поблескивает и усмехается»; «...стоит и смеется»; «А сама все хохочет» [19, с. 29]); атаманша снисходит до Гулявина и доводит его до злости. Уже с момента встречи она управляет своими эмоциями, этим покоряет Гулявина и подчиняет его себе.

Гулявин страстно желает Лельку («И мельтешит в глазах атаманшино плечо голое, и высокая грудь» [19, с. 30]), но именно героиня иницирует близость: «А коли не спишь, — сыпь под одеяло. Согрею!» [19, с. 31]. Для Гулявина, как и для других мужчин, Лелька поначалу тоже предстает только сексуальным объектом: «...плоть бабы требует. На то и живет человек» [19, с. 30]. В несобственно-прямой речи выказан мизогинический взгляд героя, фиксирующий разницу человек / баба, наделяющий функциями человека, актора действий, только мужчину.

Будучи сексуальным объектом в глазах мужчин, героиня полагает себя субъектом, проявляя инициативу. Гулявин просит ее погасить свет, когда та раздевается, и будто намекает ей о женском стыде, на что атаманша заявляет «Была баба и вышла» [19, с. 30]. Происходит столкновение внешнего и внутреннего взгляда на героиню. Окружающие видят в ней прежде всего женщину, навязывают ей нормативную феминность. Но героиня совершенно не демонстрирует привычной для женщины стыдливости и скромности, для себя она приемлет не все женское по умолчанию, а то, что оказывается для нее выгодным. Отрицая женственность, она в то же время использует преимущества своего пола, женское тело для нее функционально. Атаманша полагает, что сексуальные отношения ставят Гулявина в зависимость от нее, это демонстрирует их диалог перед ее расстрелом:

— Сволочь ты... На кровати со мной валялся, а теперь измываешься!

— Что на кровати валялся — мой грех. В нем и каялся. А тебя не помилую! [19, с. 41]

В то же время женское, в целом, маркировано для героини как слабое, второстепенное. Обретение ею силы связано с отречением от женского в себе. Лелька исполняет песню от мужского лица [19, с. 31]. Желая унижить начальника штаба Строева, она называет его девицей:

Повернулась к вошедшему Строеву, протянула стакан и крикнула:

— Выпей, красная девица! Что сопли пускаешь! [19, с. 31]

Обращаясь к литературе 1920-х гг. в целом, Элиот Боренстайн отмечает, что пролетариат имплицитно идентифицировался как мужественный, а интеллигенция как женственная [16, с. 4]. В повести Лавренева такой расклад сохраняется, но парадоксально то, что черты женственности приписала начальнику штаба женщина, перекодировав таким образом устоявшиеся категории, отринув от себя традиционную фемининность, приписываемую ей героями, Строевым в том числе, на основании ее пола. Таким образом, отрицательно маркируя женское, героиня повышает свой собственный статус.

Биография Лельки окутана тайной. «Из мамы-Адессы — папина дочка. <...> В Адессе с мальчиками гуляла, а теперь яблочком катаюсь» [19, с. 29], — так она описывает свою жизнь, намекая на свое прошлое бандитки и даже проститутки, перефразируя популярную у анархистов революционную песню «Яблочко» и соотнося свою активность с ее сюжетом. Сексуальная свобода героини создает представление о ней как о женщине, подверженной стихии, о ее безудержности, ассоциируемой с анархической, неконтролируемой стороной революции. Более того, если принять в расчет традиционную дихотомию свой / чужой в гендерных категориях [11, с. 106–107], то именно женщина лучше подчеркивает эту инаковость, символизирует стихийность в революции.

Разбойничье поведение отряда атаманши Гулявин оправдывает тем, что руководит им женщина. Ему легче признать, что женщина не способна к руководству, чем то, что он приютил разбойничью банду. Он перекладывает свою ошибку на атаманшу: «Народ у нее распущенный — это верно. Так она же баба, — подтянуть не умела. А я их сам с завтра шкертом за глотку возьму — шелковые станут» [19, с. 32]. Именно разгул и воровство отряда окончательно убеждают Строева в бандитской природе атаманши. Он понимает, что у нее другие ценности, но его негативная оценка усиливается обращением к гендерно маркированным категориям. Желая еще больше унижить атаманшу, Строев называет ее «бульварной девкой» [19, с. 32], «постельной девкой» [19, с. 33]. Женщина-атаман критикуется и как разбойница, и как проститутка. При этом из текста однозначно не ясно, занималась ли Лелька проституцией: такое обращение к ней передает восприятие героини мужскими персонажами как нарушающей ожидания общества в том, что касается сексуального поведения женщины.

Так, сексуальная свобода формирует репутацию атаманши, ей автоматически отказано в возможности быть контролирующим своим поступком существом, человеком. Гулявин же, изначально воспринимавший атаманшу как объект, в пику Строеву признает за героиней возможность быть человеком, воином и командиром своего отряда: «Тебя послушать, — так бульварная девка — не человек?» [19, с. 32]. Одним из ключевых в связанном с Лелькой фрагменте повести становится решаемый Строевым и Гулявиным вопрос: человек ли женщина, может ли баба быть товарищем. Гулявин, пытаясь утвердить равенство людей, признает его за женщиной, и за проституткой. Литературовед М.В. Минокин в духе советского времени видит здесь социальную причину — сочувствие Гулявина к женщине своего класса: «...сам перенесший гнет, он проникся уважением к женщине, находившейся в унижении в старое время, а в недоверчивом отношении Строева к “гулящей” он заподозрил господское презрение» [8, с. 59]. В разговоре со Строевым Гулявин акцентирует в женщине именно человеческое:

— И в мои дела не лезь! Спутался я с ней, или не спутался — не твое дело. Если и спутался, так и то моя забота, а не твоя! Жалко мне бабу, а у тебя жалости к человеку нет. Ей помочь нужно на ноги встать, а не гнать» [19, с. 33].

Но в непосредственных отношениях с атаманшей Гулявин, как уже указывалось, упускает общечеловеческое, видит в женщине прежде всего половое, смотрит на нее сквозь призму их близости. Амбивалентность восприятия Лельки Гулявиным в качестве человека и женщины также распространяется на восприятие ее как воина. С одной стороны, его восхищает воинственность героини: «Дорога мне баба за удаль!» [19, с. 33]. Атаманша показывает себя в бою, которым герой руководит: «Две роты в лоб, одна с тылу охватом и при ней Лелькина кавалерия» [19, с. 36]. С другой стороны, перед Строевым Гулявин хочет принизить ее значение, оперируя теми же категориями воинственности, но наделяя их другим знаком:

А Гулявин затворил дверь за ней и засмеялся:
— Сражение! Ишь какая вояка!.. [19, с. 33]

Парадоксальным образом слова Строева об атаманше разворачиваются в отношении к Гулявину: не женщина свободных нравов Лелька, а именно Гулявин теряет рациональность, попадая в плен зависимости от пола. Из-за близости он не может расстаться с Лелькой: «Хороша атаманша, горячо ласкает атаманша в зимние холодные ночи» [19, с. 34]. После убийства Строева атаманшей Гулявин приказывает казнить ее, но прежде отказывает ей в субъектности, которую, хоть и декларативно, но признавал за ней ранее. Он расчеловечивает героиню, осознает наличие в ней греховной женскости, против которой не смог устоять. Атаманша редуцировалась в глазах Гулявина исключительно до объекта, ее казнь описывается через ряд фрагментов: «По атаманшиным розовым штанам поползла черная струйка, и задрожали, сжимаясь и разжимаясь, пальцы» [19, с. 41].

Соблазнившись сексуальностью атаманши, Гулявин оправдывал их связь общностью целей, когда же она, с его точки зрения, не проявила сознательности, он свалил всю вину на нее. Так, герои-мужчины оказываются неспособны воспринимать женщину на фронте в качестве воина, они не рассматривают ее в типичных для военного времени категориях союзник / враг. В итоге самостоятельная героиня, возглавляющая отряд, через сексуальную близость становится подчиненной и не способной отстоять свою роль руководительницы.

Зарубежные исследователи К. Гасеровска и Э. Боренстайн писали о том, что в советской художественной литературе Гражданская война — это мужской мир, женщины в котором играют вторичную роль [17, с. 139; 16, с. 3]. Анализ повести Лавренева показывает, что возможная причина этого — восприятие женщины сквозь призму ее сексуальности и отношений с героями, а также отказ воспринимать ее как отдельный субъект.

Попытки героя списать свои проблемы на женщину показывают лишь его зависимость от своей половой функции. В отношении Гулявина к атаманше происходит столкновение пола и идеологии. Гулявин как недостаточно сознательный партиец не понимает разницы, которую Строев ему со всей очевидностью разъясняет:

— Ведь она идет просто грабить. Для нее все это, чем мы горим, революция, борьба — только богатый гость, которого удобно обобрать, а потом кликнуть кота и пришить этого гостя. Понимаешь? Ее просто к стенке нужно поставить и с ней всю ее рвань. Из-за таких дело гибнет! Я требую убрать ее из полка!.. Впрочем... —
Строев усмехнулся болезненно:
— Пожалуй, это тебе не по силам. Удобная баба... Искать не нужно! [19, с. 32]

Сам Лавренев отмечал это значение атаманши для своего героя: «Ведь в конце концов Гулявин отнюдь не образцовый герой и не эталон революционера, и его уклон к неизбежной гибели начинается именно с той минуты, когда, связавшись с атаманшей, он порывает с организующей и дисциплинирующей силой партии в лице Строева...» (цит. по: [20, с. 647]).

Значение атаманши для Гулявина неоднократно отмечалось и советскими исследователями: «Союз со Строевым — сила Гулявина, связь с Лелькой — слабость, торжество прихоти и похоти» [4, с. 272]. Таким образом, Лелька становится проверкой Гулявина на партийную сознательность. Этот урок Гулявин усваивает. Когда секретарша Совнархоза Инна Владимировна пытается соблазнить его, перед ним встает воспоминание о Строеве: «Оттолкнув Инну Владимировну, Гулявин одержал еще одну победу над самим собой» [4, с. 274]. Если обобщать, то можно отметить, что женщины в повести Лавренева являются этапами в жизни Гулявина, хотя по этому поводу нет единой позиции; по мнению рецензента Правдухина, писатель не смог показать их значение в судьбе героя: «У его героя мы не найдем типичных и художественных, т. е. пахнущих подлинной человечностью, черт: его герой сделан в тонах хорошего лубка, современного Бовы-Королевича. Вспомните, как любит Гулявин Аннушку, как он сходится с другими женщинами: станет ясно, что здесь лишь ствол, схема верны, а корней и разветвлений у них нет: не показано цели, смысла его любовных походов» [21, с. 294]. Между тем, связь Гулявина с Лелькой становится одним из узловых моментов повести.

Атаманша играет и функциональную роль во взаимоотношениях Гулявина со Строевым. Снова она — не субъект собственной истории, а объект отношений Строева и Гулявина. Их ссора из-за Лельки расстраивает героя: «Неприятно это Гулявину ужасно, потому что полюбил он своего начальника штаба крепко, а тут такая разладица. И уж сам на себя злился, что из-за бабы буза пошла» [19, с. 34]. Подчеркнут момент выбора Гулявина: он сравнивает Лельку («Царица-баба! И что ему она поперек горла пришлась!» [19, с. 34]) и Строева («...взглянув на друга, почувствовал Гулявин, как ударила ему в сердце горячая волна жалости» [19, с. 34]). Если Лелька привлекает героя телесно, то Строев олицетворяет мужское боевое братство («Не сердись, браток! Сердце ты мне кромсаешь! Люблю ж я тебя, парень!» [19, с. 34]). Гулявин решает отказаться от атаманши. Для этого он должен принять позицию Строева, разделить его взгляд на нее: Гулявин бьет атаманшу и обзывает ее «шлюхиной мордой» [19, с. 35]. Поставленный Строевым Гулявину вопрос — может ли баба быть товарищем — постепенно решается Гулявиным отрицательно. После проявленных Лелькой жестокости и предательства вопрос получает однозначный ответ: баба не может быть товарищем. Важно, что негативный поступок Лельки не становится конкретно ее характеристикой, но служит критерием для обобщения — для решения вопроса в отношении всех женщин.

Правильное / неправильное руководство военным отрядом ставится в зависимость от пола командира. Мужчинам свойственны товарищество, организация, большевизм (Гулявин и Строев — товарищи), женщине — стихийная сила, неуправляемость, анархия. По мнению героев, женщина не может на равных воевать. Но она воюет жестче их, Лелька пытается пленных кадетов; она безудержная, лихая, самостоятельно принимает решения. Ее поступки выходят за рамки военной этики, и потому она заслуживает наказания. Героиня преодолевает роль объекта в отношениях Гулявина и Строева, обретает субъектность, проявив предельную жесткость. Убивая Строева, она действует по своему желанию, мстит ему. Но она убивает и «женственное» в нем, неприемлемую для нее слабость, сострадание к противнику. Именно чрезмерная жесткость (в ней все

чрезмерно — и красота, и жестокость) оказывается ее внутренней характеристикой, с помощью нее она получает важную роль в жизни Гулявина, хотя эта роль и оказывается отрицательной.

Как отмечает Элиот Боренстайн, революционер в большевистской мифологии имел мужские черты [16, с. 4]. Тем интереснее было понять, как в мужском пространстве войны функционировали женщины. Фемининность атаманши конструируется героями на основании ее пола, ее характеристиками становятся красота, неконтролируемая сексуальность. Героиня самоидентифицируется через другие качества — она предстает атаманшей, предводительницей отряда, демонстрирует чрезмерную жестокость, отказывается подчиняться начальству, отрицает в себе женское.

«Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х – 30-х годах» [1] — вынесено в название одной из статей А. и Д. Бородиных, посвященной новому образу женщины. Эта фраза акцентировала, как остро в начале становления советского государства стоял вопрос о восприятии освобожденной женщины. Несмотря на самостоятельно присвоенную многими женщинами субъектность, в обществе продолжали главенствовать патриархатные представления, что показано и в несформированности взглядов Гулявина. Гендерный аспект повести и именно конфликт самовосприятия героини и взгляда на нее других персонажей ранее игнорировался исследователями.

Так же подробно не анализировались литературные аналогии, которые представляются нам очевидными. Так, упоминая о присутствии в повести литературного мотива «Нас на бабу променял», Э. Кондюрина делала вывод о том, что сюжет в целом не типичен для эпохи, а подсказан литературой [6, с. 104]. На самом деле, фигура Разина была чрезвычайно популярна в пореволюционную эпоху: достаточно вспомнить произведения «Степан Разин» А. Каменского, «Стенькин суд» М. Волошина, «Уструг Разина» В. Хлебникова, «Разин Степан» А. Чапыгина и мн. др. В некоторых произведениях мотив утопления княжны отрывался от фигуры Разина, оставалась только схема легенды, не привязанная к деятельности атамана [5, с. 164–165]. Подобное встречается в повести «Повольники» А.С. Яковлева, рассказе «Княжна» А. Соболя и др. [11]. То же происходит и в повести «Ветер». Хотя, как отмечает Н. Великая, история с Лелькой — лишь эпизод произведения, «тем более не на литературном мотиве “персидской княжны” строится сюжет повести “Ветер”» [2, с. 75], этот мотив служит созданию более выпуклых и многогранных художественных образов персонажей. Со всей очевидностью прописанный мотив персидской княжны привлекает в повесть и другие связанные с фигурой Разина образы и характеристики.

С появлением атаманши Лельки в повествование вводятся элементы разинского сюжета, в основе которого лежит легенда о Степане Разине. Само наименование героини может трактоваться двояко: атаманша — это и жена атамана, и феминитив от «атамана», означающий «предводительница, глава разбойников». Обе ипостаси оказываются актуальны для героини Лавренева. Она и атаман, и персидская княжна в одном лице. В своем субъективном самовосприятии она атаман, для Гулявина она княжна, она подчинена ему как командиру и как мужчине. И в этой призме Гулявин уже безапелляционно признает героиню объектом, зависимым от него.

Как и в случае с дихотомией человек / баба, оппозиция атаман / княжна создается взглядами разных персонажей. «Атаманша» — самоназвание героини, которое она сама для себя выбирает, для героини важно, что она является предводительницей отряда¹.

¹ Стоит отметить, что этим наименованием Лавренев характеризует и другую свою героиню-военную. В повести «Сорок первый» поручик Говоруха-Отрок говорит Марютке: «Терпи — атаманом

Будучи атаманом, она и в своей деятельности подобна Степану Разину: со своим отрядом она занимается разбоем и грабежами². Она разбойница, носительница разинского сюжета, который благодаря ей введен в повесть. Разинский клич «сарынь на кичку», превращенный в революцию в лозунг «грабь награбленное», — был присвоен анархистами, к которым принадлежала и Лелька³. Как и Разин, героиня — любительница выпить: «Сидела атаманша, расстегнувшись, перед бутылкой водки, блестели ярко атаманшины глаза, и тянула она высоким фальцетом» [19, с. 31]. Пьянство Разина упомянуто в песне Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (Из «Волжских песен», 1883), которая, собственно говоря, и стала прецедентным текстом, задающим восприятие разинского сюжета («Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман»).

С другой стороны, героиню взяли в плен, что произошло и с персидской княжной, схваченной отрядом Разина. Имя героини — Лелька — условно; это то, как она сама себя называет [19, с. 29]. Так же не сохранили источники и имя персидской княжны, а каждый писатель, введивший эту героиню в свое повествование, давал ей произвольное имя [9, с. 299, 310, 344]. Отсылка к разинскому сюжету звучит и в словах начальника разведки, который, взяв героиню в плен, называет ее «царица персидская». Позже эта ассоциация повторится в обращенных к Лельке словах Гулявина:

— Одеяло-то у тебя царское. Приданое сварганила?
 — Сшила матушка-ночь, — да батюшка-ножичек! [19, с. 30]

Здесь снова возникает противопоставление взглядов героя и героини. Если Гулявин представляет Лельку за традиционным женским занятием — подготовкой приданого для последующего брака (общественно одобряемого поступка для девушки), то героиня подчеркивает свою разбойничью природу, свой выбор атамана — не создавать, а отбирать.

В повести важен акцент на военном костюме, который становится одним из элементов создания образа героини: и женщины, и военного в одном лице: «А на бабе серый кожушок новехонький, штаны галифе нежно-розового цвета с серебряным галуном гусарским, сапоги лакированные со шпорами, сбоку шашка висит, вся в серебре, на другой стороне парабеллюм в чехле, на голове папаха черная с красным бантом» [19, с. 29]. Акцент на серебре в одежде атаманши также отсылает к внешнему виду персидской княжны, описываемой в разных текстах в богатом убранстве⁴. Но в образе ата-

будешь! Тебе же одна дорога — в атаманы разбойничьи!» [20, с. 266] и называет ее «царица амазонская». «Царица-баба» — звучит и по отношению к Лельке. Так, представление об уникальности, исключительности женщины-военной проявилось в предоставлении ей особого статуса, характеристике ее как царственной, главной.

² Вообще, отождествление героини-воительницы с Разиным не уникальный случай, подобное встречаем в пьесе А.А. Барковой «Настасья Костер» (1923), где главная героиня-атаманша соотносится с фигурой Разина [3].

³ «Листовка “Где выход?” (тираж 15 000 экз.) дополняла палитру политических взглядов анархотеррористов: “Дрожите тираны... Боевые братья анархисты, слушайте: ‘Сарынь на кичку! За вольницу, за анархическую вольницу положим голову!.. Пусть живет вольница!.. Прочь смертную казнь!..’” [13, с. 55].

⁴ «На ней были одежды, затканые золотом и серебром», Я. Стрейс «Путешествия» (1676) [9, с. 441]; «Она была одета великолепно, в вышитое золотом и серебром платье», Н.И. Костомаров «Бунт Стеньки Разина» (1858/1859) [9, с. 450]; «А на султанке было повешено и злата, и серебра, и камня разного самоцветного», П.Я. Якушкин «Путевые письма из Астраханской губернии» (1868) [9, с. 456], «В золотом венце, покрыта / Светлой тканью аксамита, / Шитой серебром», С.Н. Мельников. «Атаман» (1883) [9, с. 459].

манши серебро украшает мужские элементы убранства — штаны и шашку, что вновь подчеркивает объединенность в героине двух ипостасей, символизирующих разных персонажей разинского сюжета. Лавренев акцентирует нестандартность внешнего вида атаманши, ее отличие от других военных. Как отмечает П.Н. Медведев, «необычайное, необыкновенное — основная категория, в которой работает писатель» [7, с. 374].

С.Ю. Неклюдов составил указатель основных топосов литературного сюжета о Разине и персидской княжне. Некоторые из них характеризуют и Лельку в ее взаимоотношениях с Гулявиным: 1. Красота пленницы; 2. Любовь пленницы к атаману; 3. Любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; 4. «Лишняя» женщина; 5. Женщина-предательница; 6. Недовольство / заговор казаков [9, с. 409]. На первый взгляд, наличие этих топосов может показаться недостаточным для сопоставления фрагмента повести Лавренева с легендой о Разине. Но выявленные выше аналогии кажутся обоснованными, особенно «работает» на разинский сюжет момент гибели Лельки и слова Гулявина.

Недовольство товарищей Разина его отношениями с княжной воспринимается в традиции как основная причина ее утопления благодаря песне Д. Садовникова («Нас на бабу променял!»). В повести Лавренева женщина в отряде также становится испытанием для командира Гулявина. Этот конфликт осознан Гулявиным в его вердикте самому себе: «За бабу товарища продал» [19, с. 40]. Герой также воспринимает свою историю через разинский сюжет, определяя себе роль атамана. Его речь — это речь Разина, но трагичность ситуации существенно усилена, поскольку недалёковидность Гулявина имела ужасные последствия, товарищ не просто променян, он убит: «Простите, братишки! Виноват пред всеми! За бабу товарища продал. Жить мне, паршивцу, нельзя теперь. Пристрелите, братишки!» [19, с. 40]. И проговаривая то, что атаманша все же баба, Гулявин встает на позицию Строева: «Думал, — ты человек как человек, коли на буржуев пошла, а ты б... была, б... и осталась. Ну и подыхай!» [19, с. 40].

Гулявин использует выражение «персидская царица», когда окончательно отворачивается от героини. Этим обращением он определяет ее роль в своей судьбе. Так, княжна или атаманша — это ситуация его выбора: он превращает героиню в княжну, потому что как атаманша она оказывается сильнее его, не подчиняется ему. Ее казнь он этот выбор закрепляет и также решает свой конфликт со Строевым, подтверждая, что баба не может быть человеком, товарищем. Единственным его товарищем был Строев.

Хотя атаманша — не главная героиня, и в повести она играет функциональную роль в становлении Гулявина, это один из самых ярких художественных образов женщины на фронтах Гражданской войны. У Лавренева все эпитеты в отношении героини демонстрируют избыточность, формируется представление об исключительности и неординарности этой личности. Атаманша символизирует одну из ипостасей революции (небольшевистскую, стихийную). Мы попытались проанализировать, как конструируется субъектность героини: сквозь призму своих взглядов и поступков Лелька оказывается активно действующим персонажем, отрицающим традиционную фемининность, называющим себя атаманом. В то же время герои-мужчины пытаются описать ее в категориях нормативной женственности. Они же проявляют мизогинию: Строев доказывает Гулявину, что Лельку из-за ее поступков нельзя признать человеком, только «бабой».

Служит расчеловечиванию героини и разинский сюжет, в рамки которого Гулявин помещает свои взаимоотношения с Лелькой. Сквозь призму разинского сюжета становится очевидно, что Гулявин «за бабу товарища продал». Таким образом, Лельке

не только нет места в военном мужском товариществе, но она и разрушает его. В рамках репрезентации «свой / чужой» героиня маркируется как чуждый элемент. Атаманша олицетворяет неприемлемую для автора сторону революции, ее позиция оказывается недопустимой, поступки — чрезмерно жестокими, а потому она приговаривается к казни.

Для писателей, осмысляющих феномен революции и Гражданской войны, разинский сюжет был достаточно актуальным. Его наличие в повести не только не случайно, но позволяет соотнести текст Лавренева с массивом произведений о Разине, появляющихся в это время, подчеркивает основной конфликт революционного сознания — выбор между личным и общественным. Ключевым в сюжете является убийство женщины: «Сюжет об утоплении персиянки к тому времени [началу XX в.] уже прочно укоренился в сознании русской публики, став своего рода «основным мифом» разинского цикла» [9, с. 384]. Но разинская княжна была невольной жертвой обстоятельств, тогда как в произведениях о Гражданской войне женщина сама становится виновницей постигшей ее гибели. Главным обстоятельством в конфликте героев оказывается предательство женщины, не характерное для традиционного разинского сюжета, за счет чего происходит его расширение, теперь женщина разделяет ответственность за поступок атамана. Причина убийства женщины обусловлена новыми обстоятельствами, возникшими в период Гражданской войны (независимость положения женщин, их активность, желание самостоятельно выстраивать свою жизнь).

Сюжет повести оказывается тематически сопряжен и с рядом других текстов современников Лавренева: в одной из типичных сюжетных линий 1920-х гг. женщина-враг втирается в доверие к начальнику-коммунисту («Жизнь и гибель Николая Курбова» И. Эренбурга, «Шоколад» А. Тарасова-Родионова, «Иван да Марья» Б. Пильняка [12, с. 646–649]). Отрицательный образ участницы Гражданской войны в повести Лавренева также соотносится с одной из постреволюционных традиций изображения женщины на фронте (княжна в одноименном рассказе А. Соболя, податаманиха Маруська в «Уяляевщине» И. Сельвинского и др.). Несомненно, образ лавренивской атаманши, незаслуженно однобоко трактованной, является одним из ключевых в череде литературных персонажей-участниц Гражданской войны.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бородин А. В., Бородин Д. Ю.* Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х – 30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: научн.-методич. сб. / отв. ред. В. И. Успенской; под ред. Е.Н. Строгановой, Н.Н. Козловой. Тверь: Компания Фолиум, 2000. С. 45–51.
- 2 *Великая Н. И.* Формирование художественного сознания в советской прозе 20-х годов. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1975. 198 с.
- 3 *Зусева-Озкан В.* Прямая и обратная проекции сюжета о Стеньке Разине и персидской княжне: Евгений Замятин и Анна Баркова // *Literatūra*. 2021. Vol. 63. № 2. С. 88–105.
- 4 *Кардин В.* Пристрастие: Очерки о писателях и литературе. М.: Сов. писатель, 1972. С. 264–277.
- 5 *Климова М. Н.* «Стенька Разин и персидская княжна»: становление одного русского мифа // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: материалы научной междисциплинарной конференции, Омск, 26–28 февраля 2016 г. / сост. и отв.

- ред. Т. И. Подкорытовой. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического ун-та, 2016. С. 159–168.
- 6 *Кондюрина Э.* Особенности романтического стиля Б. Лавренева // Ученые записки Вильнюсского университета. Вильнюс: Вильнюсский университет, 1960. (Литература, 2). Т. 31. № 2. С. 99–107.
- 7 *Медведев П. Н.* Творчество Бориса Лавренева (Литературные дебаты) // *Медведев П. Н.* В лаборатории писателя / [вступ. ст. Е. Добиной]. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 364–386.
- 8 *Миокин М. В.* Советская художественная проза 20-х годов о Гражданской войне. М.: Просвещение, 1973. 142 с.
- 9 *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 552 с.
- 10 *Ружина В. А.* Ветер революции («Ветер» Б. Лавренева: апология стихийности или своеобразие эпохи и художественного метода писателя) // Из истории советской литературы 20-х годов. Мат. межвузовской научн. конф. Иваново: [б. и.], 1963. С. 147–173.
- 11 *Симонова О. А.* Разинский мотив утопления княжны в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя и «Повольники» А.С. Яковлева) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 97–109.
- 12 *Хазан В. И.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: Издательский дом «Галина скрипит», 2015. 908 с.
- 13 *Чоп В. М.* Маруся Никифорова. Запорожье: РА «Тандем У», 1998. 68 с.
- 14 *Эвентов И.* Борис Лавренив: Критико-биографический очерк. Л.: Сов. писатель, 1951. 143 с.
- 15 A Plot of Her Own: The Female Protagonist in Russian Literature / ed. by S. S. Hoisington. Evanston (Ill.): Northwestern University Press, Cop., 1995. 164 p.
- 16 *Borenstein E.* Men without women: Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929. Durham, London, Duke Universal Press, Cop, 2000. 346 p.
- 17 *Gasiorowska X.* Women in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison (Wis.) etc.: University of Wisconsin Press, 1968. 288 p.

Источники

- 18 *Зонин А.* Рец. на кн.: Борис Лавренив. «Ветер» // На посту. 1925. № 1 (6). С. 249.
- 19 *Лавренив Б.* Ветер (повесть о днях Василия Гулявина) // Литературно-художественный альманах для всех. Л.: Прибой, 1924. Кн. 1. С. 5–70.
- 20 *Лавренив Б. А.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1: Повести и рассказы / сост. и подгот. текста А. Ю. Лавренивой; примеч. Б. А. Геронимуса. 654 с.
- 21 *Правдухин В.* Рец. на кн.: Борис Лавренив. «Ветер» // Красная Новь. 1925. Кн. 6. С. 292–294.

***

© 2023. Olga A. Simonova
Moscow, Russia

**THE IMAGE OF THE ATAMANSHA
IN THE BORIS LAVRENEV'S NOVEL "THE WIND" (1924):
GENDER ASPECT AND RAZIN'S PLOT**

Acknowledgements: The research was implemented with financial support of Russian Scientific Fund (project no 19-78-10100) in IWL RAS.

Abstract: The paper addresses the Boris Lavrenev's "The Wind. The Novel about the Days of Vasily Gulyavin" (1924). The gender approach is used as a method of analysis. Although the novel repeatedly attracted the attention of researchers in Soviet times, the paper represents the mentioned research aspect for the first time. The image of the novel's heroine Lyolka is constructed by different characters' attitudes towards her. The image of the novel's heroine Lyolka is constructed by the views on her of different characters. She considers herself as a leader, demonstrates excessive cruelty, denies the feminine in herself, generally marks it as weak, secondary. Male heroes impose a normative femininity on her: beauty, sexuality. The novel raises the question: whether a peasant woman ("baba") can be a comrade? The main character Gulyavin perceives Lyolka ambivalently, trying to recognize the right for a woman and for a prostitute to be called a man. Because of the cruelty and betrayal shown by Lelka, Gulyavin answers the question negatively.

In addition considers the Razin's plot, implicitly presented in the novel. It is also read through the vision of different characters. While in her subjective perception Lyolka is an ataman, then for Gulyavin she is a Persian princess, she is subordinate to him as to a commander and a man. The intimacy with her leads the hero to the betrayal in relation to his friend what correlates with the Razin's behavior. The execution of the "Persian Queen" Lyolka is similar to the death of the princess.

Keywords: the Russian Civil War, Russian Literature of the 1920s, Femininity, Gender, the Legend of Stepan Razin.

Information about the author: Olga A. Simonova — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

E-mail: osimonova@yandex.ru

Received: September 01, 2021

Approved after reviewing: October 28, 2021

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Simonova, O. A. "The Image of the Atamansha in the Boris Lavrenev's Novel 'The Wind' (1924): Gender Aspect and Razin's Plot." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 167–180. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-167-180>

References

- 1 Borodina, A. V., Borodin, D. Iu. "Baba ili tovarishch? Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20-kh – 30-kh godakh" ["Baba or Comrade? The Ideal of a New Soviet Woman

- in the 20s–30s”]. *Zhenskie i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete: nauchno-metodicheskii sbornik [Women’s and Gender Studies at Tver State University: Scientific and Methodological Collection]*, ex. ed. V. I. Uspenskaia; ed. by E. N. Stroganova, N. N. Kozlova. Tver', Kompaniia Folium Publ., 2000, pp. 45–51. (In Russ.)
- 2 Velikaia, N. I. *Formirovanie khudozhestvennogo soznaniia v sovetskoii proze 20-kh godov [The Formation of Artistic Consciousness in the Soviet Prose of the 20s]*. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1975. 198 p. (In Russ.)
- 3 Zuseva-Ozkan, V. “Priamaia i obratnaia proektsii siuzheta o Sten'ke Razine i persidskoi kniazhne: Evgenii Zamiatin i Anna Barkova” [“The Story of Stenka Razin and the Persian Princess in Direct and Inverse Projections: Yevgeny Zamyatin and Anna Barkova”]. *Literatūra*, vol. 63, no. 2, 2021, pp. 88–105. (In Russ.)
- 4 Kardin, V. *Pristrastie: Ocherki o pisateliakh i literature [Partiality: Essays on Writers and Literature]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1972, pp. 264–277. (In Russ.)
- 5 Klimova, M. N. “‘Sten'ka Razin i persidskaia kniazhna’: stanovlenie odnogo russkogo mifa” [“‘Stenka Razin and the Persian Princess’: Formation of a Russian Myth”]. *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul'tury: materialy nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii, Omsk, 26–28 fevralia 2016 g. [Meetings and Dialogues in the Semantic Field of Culture: Materials of the Scientific Interdisciplinary Conference, Omsk, February 26–28, 2016]*, comp., ex. ed. T.I. Podkorytova. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 159–168. (In Russ.)
- 6 Kondiurina, E. “Osobennosti romanticheskogo stilia B. Lavreneva” [“Features of the Romantic Style of B. Lavrenev”]. *Uchenye zapiski Vil'niusskogo universiteta [Scientific Notes of Vilnius University]*. Vil'nius, Vil'niusskii universitet Publ., 1960, (Literatura [Literature], 2), vol. 31, no. 2, pp. 99–107. (In Russ.)
- 7 Medvedev, P. N. “Tvorchestvo Borisa Lavreneva (Literaturnye debaty)” [Creativity of Boris Lavrenev (Literary Debates)]. Medvedev, P.N. *V laboratorii pisatel'ia [In the Writer’s Laboratory]*, [introd. by E. Dobina]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1971, pp. 364–386. (In Russ.)
- 8 Minokin, M. V. *Sovetskaia khudozhestvennaia proza 20-kh godov o Grazhdanskoi voine [Soviet Fiction Prose of the 20s about the Russian Civil War]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 142 p. (In Russ.)
- 9 Nekliudov, S. Iu. *Legenda o Razine: persidskaia kniazhna i drugie siuzhety [The Legend about Razin: the Persian Princess and Other Stories]*. Moscow, Indrik Publ., 2016. 552 p. (In Russ.)
- 10 Ruzhina, V. A. “Veter revoliutsii (‘Veter’ B. Lavreneva: apologiia stikhiinosti ili svoeobrazie epokhi i khudozhestvennogo metoda pisatel'ia)” [“The Wind of the Revolution (‘The Wind’ by B. Lavrenev: an Apology for Spontaneity or the Originality of the Epoch and of the Writer’s Artistic Method)”]. *Iz istorii sovetskoii literatury 20-kh godov. Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii [From the History of Soviet literature of the 20s. Materials of the Interuniversity Scientific Conference]*. Ivanovo, [without a publisher], 1963, pp. 147–173. (In Russ.)
- 11 Simonova, O. A. “Razinskii motiv utopeniia kniazhny v literature o Grazhdanskoi voine (‘Kniazhna’ A. M. Sobolia i ‘Povol'niki’ A.S. Iakovleva)” [“Razin’s Motif of the Princess’s Drowning in the Literature about the Russian Civil War (‘Princess’ by Andrey Sobol and ‘Povolniki’ by Alexander Yakovlev)”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 4, 2021, pp. 97–109. (In Russ.)

- 12 Khazan, V. I. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot [Life and Work of Andrey Sobol, or the Story of how Everything Turned Out the Other Way Around]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova: Izdatel'skii dom "Galina skripsit" Publ., 2015. 908 p. (In Russ.)
- 13 Chop, V. M. *Marusia Nikiforova*. Zaporozh'e, RA "Tandem U", 1998. 68 p. (In Russ.)
- 14 Eventov, I. *Boris Lavrenev: Kritiko-biograficheskii ocherk [Boris Lavrenev: Critical and Biographical Essay]*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1951. 143 p. (In Russ.)
- 15 Hoisington, Sona Stephan, ed. *A Plot of Her Own: The Female Protagonist in Russian Literature*. Evanston (Ill.), Northwestern University Press, Cop., 1995. 164 p. (In English)
- 16 Borenstein, Eliot *Men without Women: Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929*. Durham, London, Duke Universal Press, Cop, 2000. 346 p. (In English)
- 17 Gasiorowska, Xenia *Women in Soviet Fiction, 1917–1964*. Madison (Wis.) etc., University of Wisconsin Press, 1968. 288 p. (In English)